

УДК 821.161.1 – 3

Червоненко С.М.*(г. Москва)*

ТЕМА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ СВЯЩЕННИКОВ

Аннотация. В статье анализируются рассказы священников Ярослава Шипова, Владимира Чугунова, протоиерея Саввы Михалевича, посвященные теме детства. Сделана попытка выявить особенности манеры повествования каждого из авторов, разгадать пути, которыми каждый из них ведет читателей к важным религиозно-философским проблемам. Главное внимание уделено поэтике раскрытия детских характеров, поставленных в центр повествования. Анализ психологического состояния юных героев проведен с учётом позиции авторов-рассказчиков, ставших взрослыми. Выявляются стилевые доминанты и ведущие мотивы, обусловившие идейные акценты писателей.

Ключевые слова: детство, ребёнок, духовность, поступок, автор-повествователь, воспоминания, счастье, ракурс изображения, ретроспектива.

S. Chervonenko*(Moscow)*THEME OF CHILDHOOD IN MODERN PROSE WRITTEN
BY CLERGYMEN

Abstract. The article presents the analysis of short stories devoted to the theme of childhood which were written by priests Yaroslav Shipov, Vladimir Chugunov and an archpriest Savva Mikhalevich. An effort was made to reveal the each author's style of writing to find out the ways each author chooses to bring readers to important philosophical problems concerning religion. Special attention is paid to the poetic manner of discovering children's characters which are in the center of narration. The analysis of young characters' psychological state is made, the position of the grown-up authors and narrators taken into consideration. The author reveals the predominant stylistic traits and leading motives having influenced the writers' ideological accents.

Key-words: childhood, child, spirituality, action, author-narrator, recollections, happiness, angle of representation, retrospection.

Детство является основополагающей порой в становлении духовной личности человека. На чистые, простые, беззлобные и смиренные детские сердца не раз обращал внимание Господь, призывая и нас стремиться стяжать детские добродетели: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [3, с. 78], (Мф., 18, 3).

Вслед за своим Учителем апостол Павел в послании к Ефесеям пишет: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» [1, с. 338–339], (Еф., 6, 1–3). В «Начертании христианского нравоучения» святителя Феофана Затворника мы находим: «Дети – одна из целей супружества и вместе обильный источник семейных радостей» [6, 652].

Особое внимание детским впечатлениям, оказавшим большое влияние на формирование человеческой личности, составляющим духовную основу жизни в целом, уделяли писатели Русского зарубежья. В произведениях И.С. Шмелева «Лето Господне», «Богомолье», ставших ярким свершением в литературе XX в., как отметила Л.А. Макарова, оригинальна «не только форма создания детских образов, но и повествовательная манера автора» [4, с. 92]. В удивительно светлой повести «Детство Никиты» А.Н. Толстой сумел передать чистое, непосредственное отроческое восприятие жизни и переживаний первой любви.

Переживания юных героев раскрываются в рассказах В.Г. Распутина («Уроки французского»), В.П. Астафьева («Последний поклон» и др.). Произведения П.В. Санаева (повесть «Похороните меня за плинтусом»), Н.И. Нусиновой (повесть «Приключение Джерика»), Б.Д. Минаева («Детство Левы»), А.И. Грищенко (повесть «Вспять») отображают разное отношение к детству в 1960-х – 1980-х гг.

Многие писатели описывают детские годы как светлые, наполненные радостью и счастьем. Правомерно наблюдение Р. Грижковой о раннем детстве в автобиографической прозе А. Белого как о «сфере вольности и чистой радости бытия, как мир нежности, естественной жажды добра, любви, дружбы, доверия и уверенности» [2, с. 7]; в течение этого периода «складываются в человеке основные и мировоззренческие ориентации, отношение к самому себе, к другим людям, к жизни и миру, <...> формируются стереотипы поведения» [2, с. 7].

О необходимости ограждать детей как можно дольше от грязи и фальши окружающей действительности писал в начале XX века выдающийся религиозный мыслитель священник Павел Флоренский. В своем труде «Предполагаемое государственное устройство в будущем» автор отводит важную роль образованию и воспитанию молодого поколения, подчеркивая что «дети должны [быть] изолированы от политических тревог, от дрязг жизни, должны как можно дольше оставаться детьми» [7, с. 398].

К выбранной теме обращались и писатели-священники начала XX в. Сергей Дурьлин (семейная повесть «Сударь кот») и протоиерей Валентин Свенцицкий (рассказ «Христос в детской»).

Проза писателей-священников выделяется особым авторским осознанием духовного смысла явлений и событий, к которым прикасаются дети разных возрастов. Писатели идут от «внешнего, общего описания» [4, с. 92], переходя «к более глубокому психологическому, детальному изображению детских переживаний, интересов» [4, с. 92], останавливаясь на «особенностях восприятия, оценок, устремлений» [4, с. 92] своих юных героев.

Более подробно остановимся на рассказах отца Ярослав Шипова «Туда и обратно», «Должник», «Первые послевоенные», священника Владимира Чугунова «Луна над погостом», протоиерея Саввы Михалевича «Тропюю натуралиста». Конечно, у каждого из писателей свой особенный, индивидуально неповторимый взгляд на формирование характеров детей, их участие в частной, семейной, национально-государственной и духовной истории.

Характерной особенностью произведений священников Саввы Михалевича и Владимира Чугунова становится манера повествования от первого лица, что позволяет создать достоверную атмосферу раннего детства, с его безмятежностью и одновременно незащищенностью.

В рассказе отца Владимира Чугунова «Луна над погостом» одной из основных характеристик становится речь героев, особенно выразительная у детей. Выделяется среди других персонажей Сашок-изверг, который не выговаривает половину звуков: «холос», «ухозу», «голод» [8, с. 8], «масына», «лоботать» [8, с. 9]. Свет детской поры призвано подчеркнуть имя маленькой девочки – Светланки – только так называют ее героини. Автор намеренно избегает выстраивания четкой сюжетной линии, дробя текст на пятнадцать небольших частей, в которых собраны маленькие, но емкие эпизоды одного лета, проведенного автобиографическим героем у своих бабушки и дедушки. Глазами мальчика мы видим окружающее, в первую очередь сельских жителей, их заботы и трудности, яркие детские радости, огорчения и страхи, кажущиеся взрослому человеку наивными и порой смешными.

Весь текст как будто соткан из отдельных лоскутков – воспоминаний, обрывков сна. Это сравнение писатель не раз использует уже в самом начале рассказа, говоря о светлых днях своего детства, «той счастливой поры» [8, с. 3], которая уже никогда не вернется; «все это вспоминается мне, как во сне» [8, с. 3] – повторяет героиня-повествователь.

Автор с юмором описывает многие ситуации, за комичностью которых порой скрыт серьезный, чаще всего нравоучительный подтекст. Одним из таких эпизодов становится так бесславно закончившийся поход двух братьев на чужую пасеку за медом.

Наивность и простота детской души ярко проявляются в стремлении автобиографического героя помочь бабушке, когда он случайно услышал ее скорбную молитву-плач о страданиях всего мира: «Как же всех жалко-то! А сколько горя, страдания, слез. А как трудно жить. Как спастись? Так тяжело порой дышать, Господи, Царица Небесная!..» [8, с. 19]. Этот крик души родного человека, дорогого маленькому сердцу, вызывает живой отклик чуткого ребенка, у которого «слезы навертываются на глаза» [8, с. 20], а в бесхитростных мыслях проявляется наивность. Это подчеркивает и сам автор, вмешиваясь в повествование и оценивая события с позиции прожитых лет: «Я и не подозревал до тех пор, что кому-то тяжело дышать и трудно жить, когда мне так хорошо, так весело живется» [8, с. 20], «ничего этого мне неизвестно: мне легко жить и дышать» [8, с. 20]. Это один из эпизодов в ткани повествования, содержащий вполне очевидные элементы проповеди. Автор намеренно стремится подтолкнуть читателя, чтобы он задумался не только об эпизодах литературного произведения, но и о собственной жизни.

Изображая мир маленького ребенка, писатель-священник выступает в этом рассказе как тонкий психолог и знаток детской души. Он не идеализирует своего героя, изображая, как скоро мальчик вновь резвится: «Мне весело, я забыл про свою жалость к бабушке и скачу впереди то на одной, то на другой ноге» [8, с. 21]. За этой «преступной» беспечностью скрыта удивительная способность всех детей в силу своего возраста не драматизировать события, умение радоваться каждому новому дню, любому интересному впечатлению или событию, что взрослым чаще всего уже недоступно.

На наших глазах происходит постепенное взросление юного героя В. Чугунова. Мальчик не только переживает яркие впечатления, но и начинает рассуждать. Этот момент тем интереснее, что автор зафиксировал первые попытки самостоятельного мышления. Мальчик недоумевает, почему бабушка «пожалела своего рая для Гриши <...>. Или это была не жалость? Тогда что?» [8, с. 25]. Детские вопросы обращают взор читателя к глубоким религиозно-философским проблемам смерти, покаяния и спасения человеческой души.

Тема смерти лейтмотивом проходит через все повествование. Уже название «Луна над погостом» напоминает читателю о быстротечности времени, о том печальном земном финале, который ждет всех без исключения. Заключительная часть рассказа, где мы видим уже взрослого автора-рассказчика на кладбище, над которым воцарился «высокий бурьян, скрывший могильные холмы с покосившимися, а кое-где упавшими крестами» [8, с. 65] – символична. Эта картина

усиливает печаль по давно ушедшей поре счастливого и беззаботного детства, утраченного безвозвратно.

Особое место в тексте занимают элементы проповеди. В чистой душе ребенка оставляют неизгладимый след бесхитростные бабушкины истории о Пресвятой Богородице, порой наивные толкования евангельских сюжетов. Автор намеренно вводит их, обращая внимание на неслучайные ситуации, в которых взрослеют и мужают юные души. Для православного ребенка воспитание невозможно без «благоговения и живой веры в Бога и Спасителя» [9, с. 637], его основу составляют «любовь и послушание, страх Божий и благочестие» [9, с. 637]. Носителями евангельской мудрости в рассказе являются бабушка и дед главного героя. Именно через них ребенок впитывает духовные начала.

Выделим в общем потоке прозы о детях рассказ протоиерея Саввы Михалевича «Тропую натуралиста», в котором три первые части описывают юные годы героя. Писатель останавливается на нескольких самых ярких, светлых моментах – будь то первая рыбалка на Келарском пруду Сергиева-Посада, или знаменитых прудах Павловского парка, или исследовательские экспедиции в Динарские горы далекой Боснии и на чудесные альпийские луга. Описывая детские переживания, автор неоднократно подчеркивает мимолетность счастливой детской поры. Ткань повествования озаряет свет теплого майского дня, когда «все цветет и благоухает» и «легкий ветерок рябит мутную воду» [5, с. 86]. В круг впечатлений попадают «брызги воды» от сопротивления попавшейся рыбки, «ободряющая материнская улыбка» [5, с. 88], «высокие и пушистые пихты» [5, с. 101], наполняющие воспоминания писателя благоуханием разогретой смолы.

Писатель останавливается именно на этих эпизодах, соединяя девственную красоту альпийских лугов или Динарских гор и непорочную чистую детскую душу, распахнутую навстречу чарующей красоте мира, когда «благодать в природе, благодать в душе» [5, с. 102], которая – увы! – теряется взрослым человеком. Зачастую с возрастом отошедшим от Господа, устремившим все свои силы на достижение ничтожных и мелких, земных, материальных благ. В финалах каждой из трех частей рассказа слышна горькая печаль по ушедшей поре беззаботного счастья. «Где вы, безмятежные, радостные дни моего счастливого детства?» [5, с. 102], – с тоской и болью звучат финальные аккорды рассказа.

Но автор не дает унывать своему читателю. За выступающим на передний план отчаянием мы слышим уже голос писателя-проповедника, учащего нас не забывать благодарить Того, Кто дает нам все блага: «Бог дарил мне мгновения настоящего счастья» [5, с. 90], – таков итог пер-

вой части этой маленькой трилогии. Философские размышления уже взрослого человека о мимолетности человеческого счастья, введенные отцом Саввой в текст, обращают читателя к вопросу об ответственности за собственную жизнь, которую он получил как дар и растрчивает не по назначению.

Несколько особняком стоят произведения священника Ярослава Шипова. Следует отметить, что рассматриваемые рассказы в наиболее полном сборнике (2012 г.) писатель располагает рядом, что дает основание выделить их в своеобразный цикл. Эти «детские» рассказы подводят читателя к осознанию глубоких духовно-нравственных жизненных явлений.

В выбранных для анализа текстах повествование ведется от первого и от третьего лица. Все происходящее с героем-ребенком читатель видит одновременно и изнутри, уже претворенным в сознании взрослого человека, дающего оценку давно минувшим происшествиям и переживаниям.

Важную роль играют финалы. Через реплики героев или лаконичные, кажущиеся невзначай брошенными фразы автор-повествователь раскрывает смысл того, что каждым человеком познается ценой нелегких испытаний.

За простыми сюжетами и эпизодами скрыт глубокий подтекст, религиозно-философские основания, сопровождающие взросление человека. Вводя в канву сюжета реальные или имитированные повествователем автобиографические элементы, писатель показывает нравственные тупики и озарения своих героев, драматические узлы становления их личности.

По такому принципу выстроен рассказ «Должник». Главную сюжетную линию составляет небольшой период детства Петьки Скрябнева, самого обыкновенного мальчишки-подростка. Но сочетание его имени и отчества (Петр Андреевич) наводит читателя на сопоставление с известным героем А.С. Пушкина в «Капитанской дочке». Не сразу становятся доступными пониманию раздумья над прожитой жизнью уже немолодого, пятидесятилетнего героя, мучительный поиск ответа на вопрос: «Но я ведь за это кому-то должен?» [10, с. 455]. Здесь автор подвел героя к моменту, который подробно осветил в своих творениях св. Иоанн Златоуст, – «Хотя б «спасибо» сказать» [10, с. 455]. Но кому сказать это драгоценное «спасибо», писатель оставляет догадаться читателю.

В рассказе «Первые послевоенные», описывая трагическую ситуацию, окончившуюся смертью детей в пионерском лагере, отец Ярослав зашифровал подоплеку событий в финале. На фоне внешней красоты

нового лагеря автор отмечает ее искусственность: «все как на единообразных картинках» [10, с. 461]. Эта фраза становится ключом к пониманию заключительной реплики уже повзрослевшего героя-повествователя: «Нас переполняло счастье, и казалось, что так будет всегда ...» [10, с. 461]. Со свойственной ему сдержанностью писатель передал горечь от осознания фальши идеалов, искренно увлекавших детское воображение. К этому идеологическому жесту примешивается грусть о невозможности вернуть светлую, чистую пору: во все времена и при всех режимах детские сердца открыты навстречу прекрасному, не догадываясь о той тяжести, которая со временем будет давить на них недолимой болью.

Лаконичный стиль рассказов дает писателю возможность четко, скупно, вместе с тем точно охарактеризовать действующие лица. Через выразительную деталь художник передает способность детей увидеть такое, что в суетной погоне за земными благами теряют взрослые. В эпизодах с пулеметной лентой и ржавым стволом винтовки, которые малыш отыскал в местах, уже не раз проверенных старшими ребятами, автор обращает внимание на одно внешнее преимущество маленьких детей, они «ближе к земле» [10, с. 458]. К прямому смыслу фразы примешивается и переносный: истинная мудрость доступна детским чистым сердцам, про которые так красноречиво говорит Спаситель, благодаря Бога Отца: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» [3, с. 47], (Мф., 11, 25), подчеркивая, что в этом благоволение Божие.

В рассказе «Туда и обратно» можно обнаружить символическое обобщение. Только что научившийся плавать Сережа Белов напоминает современное человечество, которое в большинстве своем, как маленький герой в Волге, плавает в потоке жизни «сначала по-собачьи, потом – нельзя сказать, чтобы брасом, но – похоже, и наконец – саженками» [10, с. 462]. Незамысловатый сюжет с переплыванием детьми Волги становится аллюзией на жизненные пути. За поведением мальчишек угадываются существенные черты нашего общества. Автор выделяет мелкие, но значимые детали, которые метко характеризуют юных героев, а затем невзначай распространяются и на все человечество. Для ребят этот заплыв становится своеобразной школой взросления, не случайно после столь трудного возвращения на спасительный берег писатель называет мальчика полным именем Сергей, так как от «Сережи» этот новый опыт его отдалил.

Развивая тему неслучайности человеческих судеб в потоке жизни, о. Ярослав останавливает взгляд на трагической гибели Юрки – одного

из смельчаков, пустившихся в эту авантюру. Перед своей гибелью ребенок приносит своеобразное покаяние: «Я сегодня и без того уже мать обидел ...» [10, с. 464]. Это многоточие, так характерное для синтаксиса прозаика, призвано подчеркнуть нарушение одной из евангельских заповедей: «Бог заповедал: почитай отца и мать» [3, с. 66], (Мф., 15, 4). В нескольких словах освещается другая не менее важная тема – наказания. Маленькие пловцы на обратной дороге к дому рассуждают «о карах, которые могли их ждать на противоположном берегу» [10, с. 464] – за их непослушание. Писатель выбирает именно это слово – *кара*, ассоциативно проводя параллель с Божиим наказанием, на которое человек сам себя обрекает, не желая жить по воле Божией, самовольно «уплывая», как делают это персонажи рассказа.

Необходимо остановиться еще на двух эпизодах. В первом рыбак пересекает путь пловцам и смотрит на них «пристально и серьезно» [10, с. 464], но молчит. Так Сам Господь встречается на жизненном пути каждого, и уже от человека зависит, станет ли он просить, примет ли Его благую помощь или лишит себя ее, воспользовавшись предоставленной ему свободой. Не менее важна вторая сцена. Спасительным маяком горят лампадки в церкви на кладбище, но в нее ребята так и не заходят (как и многие, заблудившиеся в этом жестоком мире, заглядывают в окна, удовлетворяясь лишь попутным любопытством).

Автор не идеализирует своего героя. Путь духовного становления непрост. Сергей Белов пытается прояснить скрытый смысл пережитого только спустя много-много лет. Стимулом к этому стала одна «бессмысленная» [10, с. 466] для маленького героя и окружающих его взрослых фраза незнакомого старика на похоронах Юрки: «Счастливый. Какие там у него грехи» [10, с. 466]. Именно эти два коротеньких предложения, запавшие в юную душу, становятся поводом для духовной работы ставшего взрослым героя.

Писатели-священники не только раскрывают чистые и непорочные сердца, но и заостряют сложные бытийные проблемы, ведущие к постижению истоков человеческих судеб, духовных оснований всех поступков и событий.

Важной особенностью поэтики произведений священнослужителей является тенденциозно заявленный проповеднический «уклон», который проступает весьма отчетливо в рассказах священника Владимира Чугунова и протоиерея Саввы Михалевича. Художественный стиль о. Ярослава Шипова отличается большей многозначностью, установкой на думающего читателя, которому предстоит пережить случившееся с героями как собственную жизненную драму, включить ее в

собственный жизненный опыт и искать Истину самостоятельно. Здесь нечто большее, чем урок нравственного воспитания. В душе читателя пробуждается некая жажда поиска (сформулированная Пушкиным как «духовная жажда»), присущая героям и автору простых и на первый взгляд лишь нечаянно записанных житейских, по-своему занимательных историй.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апостол. – Минск: Белорусская православная церковь, 2006. – С. 512.
2. *Гржибкова Р.* «Чтобы звук и краски вскричали смыслом»: мистерия детства А. Белого // Слово и образ в художественной литературе. – М., 2003. – С. 7.
3. Евангелие. – М.: Отчий дом, 2006. – С. 480.
4. *Макарова Л.А.* Воцерковленная Россия И.С. Шмелева. Малые жанры прозы. – М., 2012. – С. 142.
5. *Михалевич Савва*, протоиерей. Год на сельском приходе. – М.: Благо, 2004. – С. 160.
6. *Феофан Затворник.* Начертание христианского нравоучения. – М: Правило веры, 2005. – С. 688.
7. *Флоренский П.* Иконостас. – М.: Мир книги, 2007. – С. 464.
8. *Чугунов Владимир*, священник. Дыхание вечности. – Николо-Погост: НООФ «Родное пепелище», 2008. – С. 320.
9. *Шиманский Г.И.* Нравственное богословие. – Киев: Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2010. – С. 680.
10. *Шипов Ярослав*, священник. Первая молитва. – М.: Сретенский монастырь, 2011. – С. 624.